

Философия как проектирование новых смыслов*

Г.Л.Тульчинский

Смысл, осмысление, смыслообразование – принципиально человеческие характеристики бытия, как смысловой картины мира. Смысл – порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира, вынужденной делать это всегда с какой-то позиции, с какой-то точки зрения. С этим связаны три взаимно обусловленных обстоятельства смыслообразования: персонологичность, коммуникативность и социальная презентативность. Философское осмысление претендует на всеобщность и универсальность. В этом плане показательны концепции и практики философского смыслообразования, предложенные и реализованные Михаилом Эштейном в серии сетевых проектов и научных монографий. Речь идет о философствовании в жанре проективных словарей (философии, гуманитарного знания в целом). Проективный словарь предстает как единый гипертекст, что расширяет масштаб концептуальной целостности всего проекта. Такой подход реализует позицию сегодняшнего гуманитария, как потенциатора бытия, открывающего новые возможности культуры. Проективный словарь, по сути дела, – порождающая модель, латентно содержащая энергетику расходящихся векторов дальнейшей работы, которые могут воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический и концептуальный ресурс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проективный словарь, смысл, смыслообразование, философия, Эштейн М.Н.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; НИУ «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург.
gtul@mail.ru

Смысл, смыслообразование, осмысление – принципиально «человеческие» характеристики бытия. Человек – существо конечное в пространстве и времени, ему не дано постичь бесконечное разнообразие мира. Поэтому он делает это всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, с какой-то точки зрения, – в каком-то смысле. Из этого следуют, как

---

* Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018.

минимум, три важных обстоятельства. Во-первых, – персоналогичность: порождение новых смыслов, их понимание, толкование предполагают занятие или принятие определенной личностной позиции, включая эмоционально-оценочную. Вхождение смысловой структуры в социально-культурный контекст предполагает, и это во-вторых, – коммуникативность – возможность трансляции не просто информации как цифровой меры разнообразия, а информации именно осмысленной – выражающей и предполагающей определенные ценностно-нормативные установки. Что, в свою очередь, и в-третьих, реализуется в определенных способах, технологиях социальной коммуникации, представления смыслообразований (репрезентативность). Учитывая социальную природу человека и роль коммуникации в реализации этой природы, можно говорить о своеобразной «ленте Мебиуса» соединяющей личность и социум, тканью, контентом которой и выступает смысловая картина мира, непрерывно вырабатываемая и поддерживаемая усилиями практически каждого наделенного сознанием человека.

В этой связи особый интерес представляют возможности смыслообразования, открываемые средствами коммуникации современного «информационного массового общества», реализующими практику перманентного всеобщей доступности, включенности в коммуникацию, и, одновременно, дивергенцию точек зрения, подходов, мнений. Тем более это актуально применительно к философскому осмыслению, тяготеющему к всеобщности и универсальности. Поэтому попытки, а тем более – практики – раскрытия и реализации этих возможностей не могут рассматриваться иначе как фронтиром современной философии – как в концептуальном, так и социальном ее планах.

Именно такие практики ярко и убедительно представлены нашим современником М.Н.Эпштейном. Российско-американский культуролог, философ, филолог Михаил Наумович Эпштейн (профессор университета Эмори, США, почетный профессор Даремского университета, Великобритания) – автор не только хорошо известный, но и, пожалуй, один из наиболее значительных среди гуманитариев, пишущих на русском языке. Отъезд за рубеж в 1990 г. не только сохранил его присутствие в отечественной гуманитаристике, но, скорее, наоборот, способствовал росту как количества и объема его публикаций, так и масштаба поднимаемых в них тем – от публицистики до обстоятельнейших фундаментальных разработок. Недавно вышедший «Проективный словарь гуманитарных наук» [Эпштейн 2017] заслуживает, однако, особое внимания. Речь идет о масштабном проекте с немалым философским потенциалом. Это важный этап в ходе реализации грандиозной по масштабу и значимости программы, которой М.Н. Эпштейн посвятил, фактически, все свое творчество. Его задача — расширение места и роли

гуманитарных наук, гуманитарного знания в современном, на глазах цифровизирующемся обществе.

Любой философский проект предполагает этап систематизации сделанного – помимо прочего, это важно для определения перспектив дальнейшей работы. И словарь – яркий пример такой систематизации. Он включает 440 статей, содержащих системное описание предлагаемых понятий и терминов гуманитарных наук, включая философию (в том числе этику и эстетику), культурологию, религиоведение, лингвистику, литературоведение, а также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу, технике – всего по четырнадцати тематическим разделам.

Это итог почти полувековой работы автора в разных областях гуманитарных наук. И всегда в центре внимания М.Н. Эпштейна были и остаются темы нового (новизны, творчества) и выражение нового понимания в словотворчестве. На этом пути были такие работы и проекты, как участие в новых литературных и интеллектуальных движениях и практиках 1980-х; действующий с 2000 года сетевой проект «Дар слова. Проективный лексикон русского языка» [Эпштейн 2000-2018]; инициированный М.Н.Эпштейном ежегодный конкурс «Слово года» с несколькими номинациями, включая неологизмы. Ступени этой работы по обновлению гуманитарных наук — книги «Парадоксы новизны» (1988), «Transcultural Experiments» (1999), «Философия возможного» (2001), «Проективный философский словарь» (2002) [Проективный 2003]¹ и его продолжение на страницах журнала «Философские науки» в 2009-2011 годах, «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (2004), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (2012), «От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир» (2016). По замечанию самого М.Н.Эпштейна, работа над данным Словарем продолжалась 34 года (1982–2016) и стала своего рода синтезом его предыдущих работ в разных гуманитарных областях. И, можно добавить, стала важным явлением философии – как по жанру, так и по содержанию.

Почему – словарь? Почему – проективный? И какое отношение он имеет к философии?

Начнем с философии... Реализуемый М.Н. Эпштейном проект – не просто словотворчество, а именно смысловое творчество – жанр философской наррации, не ограничивающийся определением предлагаемого термина, но развертывающий содержание в примерах рассуждений, других дискурсивных практиках, открывающих возможности новых осмыслений, а то и новые предметные области. Дело не только и не столько в словах, сколько в словарных статьях, раскрывающих этимологию,

---

¹ В этом проекте приняло участие 11 отечественных и зарубежных авторов.

концептуальное содержание, возможные применения новых понятий и теорий. Фактически это особый способ философствования.

Философствование выражается, реализуется в различных осмысляющих нарративах, и вряд ли имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления. Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном – к которому стремится практически каждое учение.

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» – столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна – фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях – пословицах, поговорках, инвективах и т.п. – даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе – на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское». Или: «езде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой – из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет». Таких примеров – великое множество. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот – укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М.Монтень, Б.Паскаль, Новалис, В.В.Розанов – перечень таких мыслителей можно продолжать. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически, нарративно между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития персонологична – нарратив личной биографии мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремиологического философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма). Они могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, М. де Унамуно, Ф.М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А.Ф. Лосева могут иметь самостоятельное художественное значение.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только современные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия – в степени упорядоченности таких нарративов. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором. Дополнительные возможности дают многообразные способы «непрямого говорения», систематизированные Л.А.Гоготишвили [Гоготишвили 2006].

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах – от Р. Декарта и Б. Спинозы до И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она – терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном разворачивании исходных принципов, требование противоречивости – парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере упомянутых форм выражения словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и философствование, реализуемое с помощью иконических знаков – схем, рисунков, изображений, визуальных образов. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию с иконическими знаками. Причем характер используемых средств – схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т.д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования. Недаром в свое время П.А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium'a* – словаря

иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций. [Флоренский 1971]

Особая проблема – перевод вербальных способов философствования в иконические и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф.Бэкон считал, что задачей философии является обнаружение «скрытого схематизма» явлений. [Бэкон 1978 2, 86] И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод – самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия – как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Иногда поступки, жизненный путь философа – как в случае А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, братьев Бахтиных – дополняют его философствование, помогают его пониманию.

Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере в мировоззрении и миропонимании П.Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия. [Чаадаев 1991 2, 18-64]

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья репрезентативности порождаемых смыслов. Она столь же многообразна, как и пути человеческого познания, осмысления и понимания. Об этом свидетельствуют даже чисто внешние формы бытования философии, которая может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

М.Н. Эпштейном реализован жанр философствования, пожалуй, еще более радикально фрагментарный, чем паремиологический, и при этом чрезвычайно репрезентативный, концептуально целостный и связный. Но – не сводящий все к неким исходным понятиям (как в гегелевской «Энциклопедии философских наук»), а порождающий возможности новых смыслообразований. Это идет философствование

словами, терминами, как квинтэссенцией осмысления и смыслообразования, причем – сведенными в систему. Речь идет о словаре принципиально нового типа.

Во-первых, обычно словари, энциклопедии содержат термины, которые уже употребляются в обыденном или профессиональном дискурсе. В словарях эта практика употребления закрепляется. В *проективном словаре* представлены термины, которые либо впервые предлагаются автором для употребления, либо привычные термины, получающие новые, нетрадиционные толкования, наполняются существенно иным понятийным содержанием. Иначе говоря, словарь не регистрирует, а проектирует дискурсивные тенденции, открывая «окна» концептуальных и терминологических возможностей.

Словарь задуман не только как справочное пособие, но и как форма выдвижения и обоснования новых идей в основных областях гуманитарных наук. Весь словарь в целом — это своего рода нарратив, переходящий в перформатив. Последний, как известно, отличается от констатирующих описаний тем, что осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят. Аналогично и проективный словарь, сообщая о предлагаемых терминах и их содержании, самим фактом сообщения стремится ввести их в интеллектуальные практики. В этом плане, проективный словарь – своеобразный перформативный жест, поступок в сфере языка и культуры.

В этой связи, во-вторых, словари (тем более – дисциплинарные, не говоря об энциклопедических) обычно являются итогом коллективной работы, обеспечивающей максимально возможную полноту содержания. В данном случае словарь акцентированно и демонстративно – авторский, причем – в двойном смысле: все статьи в нем написаны одним автором; и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему же. Словарь не только проективный, но и буквально – персонологический, поскольку автор статей выступает как мыслящая персона, делящаяся собственными терминами и понятиями, а не описывает и систематизирует введенные другими авторами. Автор буквально следует взятой в качестве эпиграфа максиме Вольтера – он поглощен задачей отчитаться в алфавитном порядке перед самим собой во всем, что он думает об «этом и том мире».

И такая персонологичность – тоже достаточно философична. Терминообразование всегда играло особую роль в философии, которая занята поиском таких понятий и терминов, которые освобождают мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мышление невозможно без своего языкового выражения, а творчески мыслить – значит заново создавать язык, очищенный от обыденных значений, автоматизмов здравого смысла, остраивающий их. При этом философ может пользоваться

словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, т.е. творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» И. Канта, «диалектика», «отрицание» и «снятие» Г.В.Ф. Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ф. Ницше, «интенциональность» и «эпохе» Э. Гуссерля, «здесь-бытие» и «временение» М. Хайдеггера, «многоголосие», «участность», «внеаходимость», «не-алиби-в-бытии» М.М. Бахтина, «различание» Ж. Деррида – именно в таких новых словах (новых по своему составу или только по смыслу) интегрируется целая новая система мышления.

Придумывание экзотических словечек не являлось самоцелью для автора словаря. Главное даже не в самих терминах – они являются поводом для рассуждений, порождения нового дискурса. Словарь представляет собой именно опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации тематизаций, концептуализаций и операционализаций. Можно воспользоваться метафорой В. В. Розанова и говорить об «эмбрионах» новых мыслей и концептов. Такое сравнение в большей степени соответствует концептивистской установке идеологии словаря, к которой еще вернемся.

Несмотря на то, что словарные статьи носят авторский характер, их оформление унифицировано и единообразно. Русское написание термина дается с указанием ударения, приводятся перевод на английский и этимология, дается дефиниция. В тексте каждой статьи выделены другие термины, содержащиеся в словаре, к которым дана отсылка. В конце каждой статьи приводятся сноски к цитатам и список работ к данному термину. Для удобства пользования словарем статьи в нем расположены по тематическим разделам, а внутри разделов — в алфавитном порядке.

Следует отметить высокую научную культуру издания. Словарь содержит специальные разделы: список сокращений, словарных помет, рекомендации – как пользоваться словарем). В качестве приложений: алфавитный указатель статей, указатель отдельных терминов, предметно-тематический указатель, лексические и морфологические группы терминов. Словарные статьи сгруппированы по разделам: от общих вопросов гуманистики в целом — к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Далее рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы посвящены тематике, на материале которой гуманитаристика пересекается с тематикой других дисциплин — биологических, социальных, технических (жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика).

Указаны тематические группы терминов, такие как: дисциплины, интеллектуальные направления и мировоззрения, художественные и литературные жанры, приемы, политические режимы, практики и проекты, типы текстов и слов.

Все это не только свидетельствует об объеме и скрупулезности проделанной автором работы, но и делает словарь удобным в обращении с ним, в поиске концептов и связанной с ними нужной информации.

И теперь самое время сказать о содержании словаря. Ряд словарных статей непосредственно ориентирован на интеллектуальные, культуральные, технические, социальные процессы, характерные для начала 3-го тысячелетия и требующие новых способов осмысления и артикуляции.

В словаре даются определения таких терминов как «интеЛнет», «инфиниция», «кенотип», «культуроника», «скрипторика», «текстоид», «тривиалогия», «унитекст», «эротема», и другие, которые раньше не использовались никем, кроме автора. Именно благодаря Словарю эти термины могут войти в профессиональное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности анализа.

Некоторые из терминов, приведенных в словаре, уже были использованы в авторских публикациях. «Метареализм» (творческое движение конца прошлого века), «транскультура» (пространство встречи разных культур), «видеократия» (власть визуальных образов), «хроноцид» (упразднение времени в тоталитаризме и постмодернизме как концепциях) уже активно входят в обиход гуманитарных наук в России и за рубежом, что свидетельствует об их эвристическом потенциале.

Новая интерпретация предлагается таким понятиям как «игра», «любовь, смысл», «событие». В словаре определяются и такие обыденные понятия, как «веселье», «выверт», «глубина», «душевность», «интересное», «молчание», «мудрость», «обаяние», «упаковка», которым придается новый терминологический статус. И это одна из задач проективного словаря — артикуляция именно таких пробелов в терминологии гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как слова повседневного языка, значение которых понимается интуитивно.

Особое внимание уделено расширению механизма терминообразования, выходу за рамки практики, когда термином выступают исключительно существительные. Глаголы, предлоги, другие служебные части речи обладают существенным потенциалом выражения концептуального содержания. И проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в терминологический обиход понятия, выраженные глаголами и другими частями речи, элементами слова. Так, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами («божествовать», «обытийствовать», «особытывать», «смертствовать»),

прилагательными и причастиями («древностное», «существуемое»), предлогом «в», артиклем the», местоимениями, приставками («амби-», «гипер-», «гипо-», «нега-», «недо-» и «прото-»), суффиксами («-остн-»), знаком пробела « ».

Одна из особенностей словаря — системный подход к построению новых концептов. Каждый тематический раздел содержит термины, характеризующие разные аспекты и уровни обобщения данной дисциплинарной области. Так, термины, относящиеся к разделу «Язык Лингвистика», указывают на общие категории лингвистики и подсистемы языка («импликосфера», «идеоязык»), на новые подходы к языку, в том числе философские («грамматософия», «скрипторика»), способы лексико-грамматического развития языка («лингводизайн», «семиургия»), разные типы речевых актов («контраформатив», «трансформатив»), способы словообразования и создания вербальных концептов («оксюморонимы», «синантонимы»), типы новых слов («однословие», «протологизм», «футурологизм») и т.д. В результате каждая предметная сфера выстраивается в систему логически соотнесенных понятий.

Словарь можно читать как единый гипертекст. При этом указания и ссылки в статьях выводят в «засловарье» – внешний по отношению к словарю круг работ автора, расширяя масштаб концептуальной целостности всего проекта.

Показательно, что М.Н. Эпштейн не ограничивается построением такого гипертекста, использованием предлагаемых концептов в публикациях, но и предпринимает попытки выстраивания новых «означаемых» в реальных практиках. Так «интеЛнет» (inteLnet, сокращение от intellectual network, интеллектуальная сеть) – не только предлагаемый автором термин, но и междисциплинарное сообщество для создания и распространения новых идей и интеллектуальных движений через Интернет, и одна из ступеней в интеграции нейронных и электронных сетей в создании «синтеллекта» (соразума), и — первое интерактивное устройство в области обмена и регистрации гуманитарных идей в англоязычном Интернете, вышедшее в открытую сеть. Это устройство было создано в 1995 году в университете Эмори (Атланта) автором словаря при технической поддержке студента Дэниела Абрамса (Daniel Abrams), ставшего потом инженером в корпорации Apple, как попытка наполнить интеллектуальным содержанием технические возможности сети, интегрировать движение сигналов с движением мысли, чтобы скорость электронных импульсов множила концептуальные ходы и ассоциативные связи. ИнтеЛнет получил награду лондонского Института социальных изобретений и стал старейшим (с 1997 года) интеллектуальным проектом в русскоязычной сети. В 1995 году лондонский Институт социальных изобретений создал по модели ИнтеЛнета мощный сайт, с подробной классификацией и экспертной оценкой более 2000 социально полезных идей.

Показательно, что ИнтеЛнет был электронным развитием Банка новых идей, работавшего с конца 1986 года при московском интеллектуальном клубе «Образ и мысль» под руководством М.Н. Эпштейна. А интелнет впоследствии вместил в себя и другие проекты автора, такие как: Виртуальная библиотека; Книга книг: Энциклопедия альтернативных идей; Дар слова: Проективный словарь русского языка; Веер будущих: Техно-гуманитарный вестник и др.

М.Н. Эпштейн всегда был и остается на фронтире современной гуманитаристики, что позволяет ему сохранять чрезвычайную чуткость не только к созревшим, но и только вызревающим тенденциям. А появление данного проективного словаря удивительно точно соответствует осмыслению и обоснованию нового сдвига гуманитарной парадигмы, приходящей на смену постструктуралистско-деконструктивистскому подходу, являясь одновременно его развитием и преодолением. Потребность в таком парадигмальном сдвиге вызревала по мере того как, с одной стороны, критика деконструкции, исходившая из традиционных и сциентистских представлений, все более явно обнаруживала свое теоретическое бессилие, а с другой – не менее явным становился и переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом, когда главным вопросом становится не после чего они, а перед чем и в обоснование чего.

Критика логоцентризма обернулась его приумножением и факторизацией, логомахией, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих – апофеозом грамματοцентризма. Выявился шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией цифровизации и Big Data, требующей изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Постмодернизм оказался неконструктивным в том плане, что застыл в стадии остранения (деконструкции) привычного. Но необходим следующий шаг – новая конструктивная работа с остраненными смыслами. Назрела необходимость преодоления платонистского дуализма. Уже невозможно продолжать и впредь разводить первые и вторые сущности, спорить об универсалиях, противопоставлять дионисийское и аполлоническое. Наступает время синтеза. Означающие без означаемых, самозамыкаясь, порождают означаемое.

Такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: не отрицать, а обобщать опыт деконструктивизма; быть по-настоящему междисциплинарным; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на статуарной структурности, сколько на процессуальной динамике осмысления и смыслообразования, которое является результатом глубоко личностного опыта,

проявлением человеческой свободы и ответственности. И Проективный словарь М.Н. Эпштейна полностью отвечает этим критериям.

В нем реализован подход, сумму методологий которого сам М.Н. Эпштейн обозначает как «концептивизм», имея в виду двузначность корня «conception» (концепция и зачатие): не только концептуализм как промежуточное поле опосредования номиналистических и реалистических методологий, но и зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их. Ключевые моменты такого подхода: пессимизм – смещение акцента с критики сущего и преобразовательного активизма к раскрытию все новых и новых возможностей, сценариев развития сознания, реальности и поведения; динамизм – смещение акцента со структурной статичности на процессуальность творческого мышления; переход от плоскостных поверхностных моделей к моделям многомерно-стереометричным; персонализм – неизбежность личностного начала как источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования.

Не случайно концепт пробела (« ») играет особую роль в смыслотворчестве М.Н. Эпштейна². Пробел выражает паузу, состояние лиминальности, перехода познания от «интересного» к радости нового понимания. Эта стадия связана с главным импульсом познания – стремлением к выходу «за» пределы этого привычного мира, этих знаний, этого состояния общества, этой позиции в нем, стремлением к сопричастности этой «за»-предельности. Такое стремление и подобная сопричастность нужны далеко не всем и не всегда. Скорее человеку, как существу конечному в пространстве и времени, необходима определенность, идентичность с кем-то, чем-то. Но познание, и тем более – философия с ее ориентацией на предельные вопросы бытия остро реагирует на «интересное» как симптом, предвестие радости нового «за»-предельного понимания. А творчество М.Н. Эпштейна чутко настроено, как камертон, на обнаружение интересного и, как следствие – дарит нам радость открытия новых смыслов. И делает это в высшей степени персонологично, коммуникативно и репрезентативно.

Как неоднократно замечает М.Н. Эпштейн, задача, достойная современного философа, – не переделывать мир, а открывать его возможности, потенцировать бытие. Поэтому гуманитарий и интеллектуал наших дней не столько строит объяснения, наивно сводя все разнообразие к чему-то одному, какому-то первопринципу, не разрабатывает идеологии и программы преобразований, а, в первую очередь, открывает и умножает возможности бытия и его осмысления. Сегодняшний гуманитарий – потенциатор бытия,

---

² Так названа одна из основных его книг: [Эпштейн 2004]

тот, кто открывает новые возможности культуры. Пример работы именно в этом направлении и дает сам М.Н. Эпштейн, открывающий своим проективным словарем целый портал возможностей. Такой словарь, по сути дела, – порождающая модель, латентно содержащая энергетику расходящихся векторов дальнейшей работы, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический и концептуальный ресурс.

Литература

- Бэкон 1978 – *Бэкон Ф.*, Сочинения в двух томах. Т.2.М.: Мысль, 1978.
- Гоготишвили 2006 – *Гоготишвили, Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
- Проективный 2003 – *Проективный* философский словарь. Новые термины и понятия. / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. - 512 с.
- Флоренский 1971 – *Флоренский, П.А.* Symbolarium (Словарь символов). Предисловие // Труды по знаковым системам. V. Тарту. – 1971. С.521-527.
- Чаадаев 1991 – Чаадаев П.Я., Полное собрание сочинений и избранные письма. В двух томах. Том 2. М.: Наука, 1991.
- Эпштейн 2000-2018 – *Дар слова.* Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. // <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201802/05100527.html>
- Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.*, Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
- Эпштейн 2017 – *Эпштейн, М.Н.* Проективный словарь гуманитарных наук / Михаил Наумович Эпштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 616 с.

Philosophy as a design of new meanings*

Grigorii L.Tulchinskii

Meaning, understanding, sense-formation are fundamentally human characteristics of being as meaningful picture of the world. Meaning is a product of a finite system trying to comprehend the infinite variety of the world, always forced to do it from a certain position, from a certain point of view. Three mutually determined circumstances of sense formation are connected with this: personality, communication and social representation. Philosophical understanding claims to universality and universality. In this regard, the concepts and practices of philosophical

---

* The work was carried out as part of the study «The distribution of knowledge in a networked society: the interaction of archaic and modern forms» with the support of the Russian Foundation for Basic Research No. 18-511-00018.

sense-formation, proposed and implemented by Michael Epstein in a series of network projects and scientific monographs, are indicative. It is about philosophizing in the genre of projective dictionaries (philosophy, humanitarian knowledge in general). The projective dictionary appears as a single hypertext, which expands the scope of the conceptual integrity of the entire project. This approach realizes the today's humanist position as a potentiation of being, opening up new possibilities of culture. A projective dictionary, in essence, is a generative model that latently contains the energy of divergent vectors of further work, which can embody different concepts, protect different positions, but use a common terminological and conceptual resource.

KEY WORDS: Epstein M.N., meaning, philosophy, projective dictionary, sense formation,

TULCHINSKII Grigorii L. – Honored Scientist of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, St.Petersburgian State University; National Research University “Higher School of Economics” - St.Petersburg, Russia.

gtul@mail.ru

References

Bacon, Francis (1978) Works. Vol.2. Mysl, Moscow. (In Russian)

Chaadaev, Pjotr (1991) Complete Works and Selected Letters. Vol.2. Nauka, Moscow (In Russian).

Epstein, Mikhail (2000-2018) The Gift of the Word. The Weekly Lexicon of Michael Epstein. // <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201802/05100527.html/> (In Russian)

Epstein, Mikhail (2004) Gap Sign: About the future of the humanities. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow. (In Russian)

Epstein, Mikhail (2017) Projective Dictionary of Humanities. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow. (In Russian)

Florenskii, Pavel (1971) Symbolarium (Dictionary of symbols). Foreword // Sign Systems Studies, Vol. V. Tartu, pp.521-527. (In Russian)

Gogotishvili, Lyudmila (2006) Indirect speaking. Jazyki slavjznskikh kultur, Moscow, (In Russian)

Projective Philosophical Dictionary. New Terms and Concepts (2003) / Ed.by G.Tulchinskii and M.Epstein. Aleteja, St.Petersburg. (In Russian)